

Н.А. Захарова

ТРАДИЦИЯ ЖЕНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В ОБЩЕСТВЕ ЙОРУБА И ПРОБЛЕМА ВЛАСТИ¹

Рассмотрен феномен властных отношений в контексте гендерной системы применительно к традиционному обществу йоруба. Автором выделены основные источники власти в традиционном обществе йоруба, которыми могли воспользоваться женщины. Отдельное внимание уделено феномену «ийялоде».

Ключевые слова: власть, гендер, йоруба, ийялоде, политическая система.

Одним из важнейших в теории гендерных отношений является вопрос о власти. Проблема власти изучалась в разных аспектах и ракурсах учеными разных специальностей, но до сих пор является одним из наиболее сложных и непознанных феноменов человеческого общества. В традиционном, классическом, понимании феномен власти отождествлялся с властью политической. В современном научном знании сформировалась иная точка зрения на природу власти и властных отношений, выводящая сам предмет исследования (власть) за пределы политологии. В рамках социальных и гуманитарных наук было поднято немало вопросов, касающихся психологии власти, ее вертикали и горизонтали, взаимосвязи со множеством социально-политических и культурных институтов и структур.

Концепция власти, предложенная французским философом М. Фуко, опровергает мысль о том, что власть имеет в основном репрессивные свойства, а ее формы и виды ограничиваются политической сферой. Основной причиной несостоятельности классических концепций М. Фуко полагает отождествление власти с властью государства и институтов, с ним связанных, — армии, полиции, судов. Власть не связана напрямую с экономическими ресурсами общества, она не сосредоточена в руках какого-то одного субъекта, но расщеплена, вездесуща.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-31-00025 «Современная история Тропической Африки (опыт классификации источников)».

С точки зрения французского философа, власть не представляет собой некий определенный социальный институт или структуру, но скорее является названием для стратегической ситуации, сложившейся в данном обществе. Таким образом, отношениями власти становятся не только отношения личности и государства, но и отношения мужчины и женщины, человека, обладающего знанием, и незнающего и т.д. То есть отношения власти зависят от того, какими ресурсами обладает субъект по отношению к другому субъекту, этих ресурсов не имеющему или имеющему в ограниченном количестве. Отношения власти не являются раз и навсегда устоявшимися, но постоянно изменяются. Они представляют собой скорее игру подвижных позиций неравенства. Власть, с точки зрения Фуко, носит расплывчатый, «капиллярный» характер и реализуется на уровне «микропрактик» повседневной жизни, с постоянно меняющимися конфигурациями отношений господства и подчинения. Концепция Фуко также подразумевает возможность осуществления власти не только с помощью подавления, но и с помощью иных средств: экономических рычагов, авторитета, знания и т.д. [Фуко 2015: 37].

Во многом благодаря философским идеям М. Фуко гендерные отношения получили статус отношений, основанных на принципах власти. По мнению американского социолога М. Киммела, власть является центральным вопросом в теории гендера, объясняя различия между полами не как природой заданные константы, но меняющиеся от культуры к культуре или в исторической перспективе конструкции [Киммел 2006: 25]. Гендерные отношения в таком срезе рассматриваются как социально организованные отношения власти и неравенства.

Австралийский социолог Р. Коннел выдвигает идею о том, что власть, выражающаяся как в прямой силовой структуре, так и с помощью организационного контроля, в большей степени находится в распоряжении мужчин. Но при этом власть мужчин не распространяется равномерным покровом по всем участкам социальной жизни. При некоторых обстоятельствах женщины обладают властью, при других — власть мужчин рассеивается, ослабляется или оспаривается. Некоторые социальные институты

традиционно контролировались женщинами: образование для девочек, дружеские социальные сети и др. Применительно к мужчинам, Р. Коннел также идентифицирует комплекс социальных институтов, которые им подвластны. Эти институты, как правило, являются «ядром» социальной структуры, в противовес паттернам власти, находящимся на периферии и контролируемые женщинами [Коннел 2015: 148].

Российский антрополог М.Л. Бутовская в работе «Антропология пола» отмечает, что современная наука не обладает данными ни об одном обществе, в котором властные функции систематически осуществлялись женщинами и в которых политические решения были бы устойчивой прерогативой женщин [Бутовская 2013: 213]. Иными словами, современная наука не находит матриархальных обществ ни в настоящем, ни в прошлом. Однако М.Л. Бутовская также отмечает, что в обществах, где женщины полностью отстранены от контроля над ресурсами и благами, их социальный статус существенно снижен, а там, где мужчины и женщины в равной степени контролируют распределение материальных благ, статус женщин близок к мужскому [Там же: 215]. Доминирование женщин в публичной сфере, за пределами семьи, прежде всего в политической жизни, представляется явлением редким, что объясняется репродуктивными ограничениями, которые, как правило, наступают с получением политической власти [Там же 222].

Вопрос о том, насколько применимы западные идеи о гендере и властных отношениях к другим регионам, в первую очередь к Азии и Африки, рассматривался теоретиками так называемой третьей волны феминизма, или феминизма постколониальной волны. В рамках этого течения были подвергнуты критике западные концепции гендера как универсальной и находящейся вне какой-либо культуры категории. Основным тезисом, который был выдвинут исследователями данного направления, была идея о том, что опыт небелой женщины сильно отличался и отличается от опыта белой женщины. Американский исследователь нигерийского происхождения О. Ойевуми в своей работе «Изобретение женщины» оспаривает основные тезисы гендерной теории, сложив-

вшейся в исследованиях западных авторов. На примере культуры народа йоруба она высказывает мысль о том, что для культуры йоруба категории гендера неприменимы, гендер не является фундаментом социальной организации для общества йоруба, а категории «женщина» и «мужчина» не выступают по отношению друг к другу в качестве антитезы. Один из наиболее важных тезисов, выдвигаемых О. Ойевуми, — мысль о том, что подчиненность женщины мужчине нельзя считать универсальным культурным явлением. Изучая историческое наследие и языковую систему йоруба, исследователь пришла к выводу о том, что отношения власти и социальная иерархия в обществе йоруба строились независимо от половой принадлежности [Oyewumi 1997: 22].

В обществе йоруба женщины традиционно были активными участницами социальной, духовной, экономической и политической жизни общества. Нигерийский историк Самуэль Джонсон, написавший свой труд «История йорубов с древности до установления британского протектората» во второй половине XIX в., описал традиционные институты власти империи Ойо, в которые были включены в том числе и женщины. В работе он приводит список титулов, которыми женщины могли обладать во дворце алафина (титул правителя в империи Ойо). Условно он делит их на три категории: женщины высшего ранга, жрицы и другие. По мнению историка наибольшим авторитетом обладали Ийя² оба — «официальная мать» правителя, и Ийя кере — вторая «официальная мать» [Johnson 1921: 63]. Ийя оба, как правило, не была родственницей правителя и избиралась королевским советом из самых знатных и пожилых представительниц правящей династии. Это была своеобразная должность, наделенная сакральным смыслом. Избранная на эту роль женщина часто выполняла обязанности жрицы верховного божества и хранительницы царского погребального облачения [Кочакова 1986: 184]. Ийя кере также обладала обширной властью во дворце. Она несла ответственность за сокровищницу правителя, во время церемонии коронации возлагала на голову будущего правителя венец. Для выполнения

---

² Ийя (Iya) — «мать».

функций «официальной матери» обе женщины давали обет безбрачия, тем самым ограничивая свою репродуктивную функцию. Исследователь М.К. Макинтош рассматривает возложение венца на голову правителя как символ ограничения царской власти. Политическое мышление йоруба основывается на убежденности в том, что справедливое правление должно черпаться из двух противоположных друг другу начал одной пары, что обычно ассоциируется с парой мужчина — женщина. Таким образом, женщина становилась в некоторой степени гарантией гармонизации отношений между правителем и его народом, а также на символическом уровне ограничивала его власть [McIntosh 2009: 218].

Исследователь Н. Мба утверждала, что сохранились сведения, согласно которым некоторые политические центры, такие как, например, Ойо, Ондо, Иле-Ифе и другие, называли в качестве своих основателей женщин, а также в их устной истории остались сведения о существовании в прошлом самостоятельных женщин-правителей, которые не были регентами, а правили от своего имени [Мба 1982: 3]. М.К. Макинтош указывает, что из-за специфики йорубских имен, по которым не всегда возможно определить половую принадлежность носителя, установить то, насколько частым было подобное явление, невозможно [McIntosh 2009: 217].

Традиция женского самостоятельного правления к 1800 г., согласно исследованиям М.К. Макинтош, полностью исчезает. Более распространенным явлением в XIX, а на некоторых территориях и в начале XX в., была ситуация, когда женщина из правящей династии становилась регентом. Регентом, как правило, была старшая дочь умершего короля, и обычно период ее правления длился около шести месяцев, т.е. в период проведения траура до момента назначения нового правителя. Если назначение правителя по каким-то причинам откладывалось, то женщина могла находиться в своей должности больший промежуток времени. Женщина-регент имела все регалии короля и воспринималась как правитель в полной мере. Однако на ее деятельность налагался ряд табу. Например, она не могла носить официальное царское одеяние в период менструации [McIntosh 2009: 217].

Рассматривая систему властных отношений в обществе йоруба, некоторые исследователи включили в политическую систему феномен ийалоде. Дословно понятие «ийалоде» можно перевести как «мать в сфере общественных дел» (iya — «мать», ode — «общественные отношения») [Ouwumi 1997: 109]. Вопрос о том, каковы были функции женщины, которая получала этот титул, и чьи интересы она отстаивала, спорный. Первое исследование данного феномена было проведено нигерийским историком Б. Аве. В статье «Ийалоде в традиционной политической системе йоруба» автор рассматривает ийалоде в главной степени как представительницу, голос женщин города, которая могла иметь доступ к правящей верхушке. Источником такого обширного влияния ийалоде становились ее успехи в экономической, а именно в торговой, деятельности [Awe 1977: 150].

Экономической базой в обществе йоруба традиционно были земледелие и доходы семьи, женщины занимались торговлей на рынках городов. В XIX в. с увеличением товарооборота на территории Йорубаленда женщины, занятые в торговле, могли обладать доходом, сопоставимым с тем, какой имели мужчины. В некоторых случаях они получали сверхдоходы, что обеспечивало им авторитет как в структуре рынка, так и в обществе в целом. Ийалоде, как правило, была покровительницей рыночных торговцев, самой зажиточной женщиной в их среде и благодаря своему богатству могла оказывать влияние на политические решения.

В своей статье Б. Аве основывалась на биографиях трех наиболее значимых ийалоде на территории Йорубаленда: Ийаола, первая ийалоде Ибадана, Мадам Тинубу, ийалоде Абеокуты, и Ефусентан Анивура, ийалоде Ибадана. С точки зрения Б. Аве, этих трех женщин объединяют наличие обширных экономических ресурсов, смелый характер, инициатива и стремление отстаивать интересы своего города. Исследователь отмечает, что все они получили титул ийалоде за «смелые поступки». Так, Эфунройе Осунтинубу, более известная в истории как Мадам Тинубу, входила в экономическую элиту Лагоса. Ее положение существенно окрепло в период войн между Эгбалендом (территория клана Эгба в составе империи Ойо) и Дагомеей. Занимаясь торговлей на

дальние расстояния, Мадам Тинубу контролировала поставки оружия и амуниции для армии. При нападении в 1864 г. Дагомеи на территорию Эгбаленда она стала одним из основных инициаторов обороны, организовала женщин для помощи раненым. За вклад в борьбу с Дагомеей Мадам Тинубу была удостоена титула ийалоде. После 1864 г. ее политическое влияние только расширялось. В 1878 г. кандидат, которому помогала Тинубу, стал королем, она получила широкие финансовые возможности и исключительное влияние. Изучая биографии трех женщин, Б. Аве пришла к выводу о том, что деятельность их не была очерчена только сферой дома, а их действия не ограничивались по принципу половой принадлежности. Основные национальные интересы, такие как экономика, местное управление, оборона, внешние отношения, входили в сферу их деятельности [Awe 1977: 156].

О. Ойевуми выступила с критикой позиции Б. Аве по поводу тезиса о том, что ийалоде представляла в первую очередь интересы женщин рынка и города в целом. Исследователь называет такое представление об ийалоде концептуальным наслоением, которое сложилось в результате воздействия европейского гендерного дискурса на реальную практику. О. Ойевуми называет ийалоде представителем профессиональной группы торговцев, утверждая, что именно в их среде она обладала наибольшим авторитетом и отстаивала их экономические интересы. Процесс такого наслоения исследователь называет феминизацией ийалоде. Согласно выводам О. Ойевуми, ийалоде отстаивала интересы не столько женщин, сколько профессиональной группы [Ouwumi 1997: 111].

Феномен ийалоде появился на территории Йорубаленда в XIX в. в нескольких городах: Ибадан, Абеокута, Акурэ, Ондо. Его возникновение объясняется несколькими причинами: развитием товарооборота и увеличением доходов торговцев, распадом Старого Ойо и началом внутренних распрей (возможностью проявить себя в экстраординарных условиях), возможностью продажи оружия и амуниции, работоторговлей. Стоит отметить, что в каждой ситуации ийалоде поступала сообразно обстоятельствам и четкого механизма взаимодействия этой фигуры с властью не сложилось.

Библиография

- Бутовская М.Л.* Антропология пола. Фрязино: Век2, 2013. 256 с.
- Киммел М.* Гендерное общество. М.: РОССПЭН, 2006. 464 с.
- Коннел Р.* Гендер и власть. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 426 с.
- Кочакова Н.Б.* Рождение африканской цивилизации. М.: Наука, 1986. 304 с.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 415 с.
- Awe B.* The Institution of the Iyalode Within the Traditional Yoruba Political System // Sexual Satisfaction: A Cross-Cultural View. N.Y.: Columbia University Press, 1977. P. 144–160.
- Johnson S.* The History of the Yorubas: From the Earliest Times to the Beginning of the British Protectorate. Lagos: Church Missionary Society, 1921. 685 p.
- Mba N.* Nigerian Women Mobilized: Women's Political Activity in Southern Nigeria, 1900–1965. Berkeley: University of California; Institute of International Studies, 1982. 344 p.
- McIntosh M.K.* Yoruba Women, Work and Social Change. Bloomington: Indiana University Press, 2009. 336 p.
- Oyewumi O.* The Invention of Women: Making an African Sense of Western Gender Discourses. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1997. 229 p.

TRADITION OF WOMEN PARTICIPATING IN POLITICAL LIFE IN YORUBA SOCIETY AND THE PROBLEM OF POWER

N.A. Zakharova

The article considers the phenomenon of power relations in the context of the gender system applied to the traditional Yoruba society. The author identifies the main sources of power in the traditional society of Yoruba, which women could use. A special attention is paid to the phenomenon of "iyalode".

Keywords: power, gender, Yoruba, iyalode, political system.